

«Штатов — изобилье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г.

Никита Пивоваров, Виталий Тихонов*

«The staff is abundant, there is no order again»: on the history of separation of the Institute of History of The Academy of Sciences of the Soviet Union in 1968

Nikita Pivovarov (Russian State Archive of Contemporary History, Moscow),

Vitaliy Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010153-9

Разделение Института истории АН СССР в 1968 г. — отнюдь не частный сюжет из прошлого отечественной исторической науки. Помимо того, что речь идёт о важнейшем организационном решении, повлиявшем на развитие всей советской исторической науки, это событие прочно вписано в «оттепельный миф» как яркий пример противостояния между реформаторами-шестидесятниками и консерваторами из аппарата ЦК КПСС. Согласно этому взгляду, Институт был разделён для того, чтобы пресечь деятельность демократически настроенного парткома, возглавляемого историком В.П. Даниловым¹.

Безусловно, деятельность парткома — яркая страница общественной жизни 1960-х гг. Тем не менее, расхожее представление о том, что именно она стала поводом для принятия упомянутого решения, является сильным упрощением, о чём свидетельствуют появившиеся в последнее время исследования. Так, М.А. Базанов обратил внимание, что проект разделения Института истории активно продвигался ещё во время директорства А.Л. Сидорова (1953—1959 гг.). Единый институт предполагалось разделить на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории². М.Д. Бухарин и С.Г. Карпюк на основе архивных документов показали, что о выделении специального Института истории СССР заговорили ещё в 1939 г.³ Оба проекта обосновывались сложностью управления разросшимися штатами и необходимостью его улучшения. Но оба раза реорганизация откладывалась из-за недостатка у АН СССР помещений и средств, а начавшаяся Великая Отечественная война надолго сделала вопрос неактуаль-

© 2020 г. Н.Ю. Пивоваров, В.В. Тихонов

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00218.

¹ См., например: *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Лондон, 1979. С. 318; *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка). Кн. 1. М., 2011. С. 99; *Неретина С.С.* История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 143—151; *Курносков А.А.* Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960—1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363—389.

² *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2019. № 1. С. 39—48.

³ Подробнее см.: *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // *Вестник Российской Академии наук.* 2019. Т. 89. № 11. С. 1162—1168.

ным. Новые публикации позволяют по-новому взглянуть на историю Института до 1968 г. Они демонстрируют, что проекты разделения существовали и ранее, поэтому можно предположить, что решающими оказались именно организационные, а не политические факторы решения. Документы, выявленные в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН), Архиве РАН (АРАН) и, главное, Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), позволяют получить более детальное представление о проектах реорганизации Института.

Итак, в середине 1950-х гг. вновь появилось предложение о создании двух академических институтов — по отечественной и всеобщей истории. 17 февраля 1955 г. Л.С. Гапоненко направил на имя учёного секретаря Отделения исторических наук АН СССР С.И. Прасолова записку, в которой предложил разделить Институт истории АН ввиду сложности его структуры и вызванной этим трудности управления им. После доработки проекта планировалось, что директором Института истории СССР станет А.Л. Сидоров, а Института всеобщей истории — Е.М. Жуков⁴.

Сам Сидоров говорил о необходимости разделения на отчётном собрании Института 9 января 1956 г. Он признался, что поднимал этот вопрос перед президентом АН А.Н. Несмеяновым ещё два года назад и тот якобы согласился пойти на этот шаг в случае, если историки будут согласны⁵. Теперь же разделение — вопрос, уже фактически решённый Отделением и согласованный с председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным. «Пора, чтобы весь коллектив знал, что вопрос стоит так, и дальнейшее зависит от дирекции и от поддержки, которую дирекция должна получить», — заявил Сидоров. Он увязывал разделение Института с коренным улучшением материально-технической базы его работы, подчеркнул, что «мы отстали в области технического оснащения от границы. У нас нет ни технической лаборатории, ни фотокопирования, ни микрофильмирования, что должно быть, потому что это элементы научной работы, вошедшие широко в жизнь западноевропейских учёных»⁶. Кроме того, Институт столкнулся с большими трудностями в поиске свободных помещений: «Сейчас директор института занимается вопросом — причём это отнимает немало времени, — где поставить стол группе византиноведения, где поставить стол группе по истории крестьянского хозяйства»⁷. По его мнению, создание двух институтов позволило бы оперативнее управлять издательской деятельностью, поставить на высшем уровне вопрос о новом здании и новом оборудовании, а для отдельного Института всеобщей истории упростилась бы организация поездок сотрудников за рубеж.

Обсуждение на Учёном совете возможного разделения Института и дальнейшей организации новых НИИ спровоцировало заслуживающую внимания дискуссию об оптимальном устройстве научно-исследовательской работы. Так, В.К. Яцунский предложил построить работу на проблемных секторах. Б.Б. Кафенгауз считал, что нужно сократить число сотрудников в секторах и направить их работу в тематическом направлении. Б.Н. Крылов поддержал идею создания проблемных секторов, но предостерег от радикального слома уже имевшейся

⁴ Базанов М.А. Отложенная реорганизация... С. 39—41.

⁵ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 372, л. 126.

⁶ Там же, л. 47.

⁷ Там же, л. 125.

структуры. Категорически против изменения структуры выступил М.П. Ким. Однако идею разделения Института члены совета поддержали, что и зафиксировало постановление.

31 января 1956 г. на заседании Отделения исторических наук АН СССР с предложением реорганизовать Институт истории выступил академик В.П. Волгин⁸. Он проводил идею, что Институт нужно делить не по территориальному (мир/СССР), а хронологическому принципу: один институт будет заниматься мировой историей до 1917 г., другой — новой, социалистической эпохой. 5 марта по вопросу о разделении Института в дирекции состоялось совещание, на котором собрались ведущие сотрудники и руководители секторов. Сидоров утверждал, что эта идея встречает благожелательное отношение в Академии и Отделе науки ЦК КПСС. Он указал, что существуют предложения реорганизации по двум принципам: хронологическому (вариант Волгина) и территориальному (его придерживались сам Сидоров и его единомышленник Жуков). В последнем случае создавались Институт истории СССР (или Институт истории народов СССР) и Институт всеобщей истории. Важнейшим аргументом являлась необходимость координации работы многочисленных республиканских гуманитарных центров. По мнению Сидорова, такую роль на себя сможет взять только институт, специализирующийся на отечественной истории в целом. Новое учреждение также, в соответствии установкам XX съезда партии, сможет активнее и шире развернуть публикацию документов. Наконец, разделение ускорит организацию новых специализированных журналов по отечественной и всеобщей истории.

Особое внимание уделялось выработке структуры, поскольку только после этого можно было готовить полноценный проект, в котором просчитывалась бы и материальная база, необходимая для его реализации. Сидоров предложил, чтобы Институт всеобщей истории объединил следующие сектора: истории древнего Востока; истории древней Греции и Рима; истории Средневековья (Западной Европы в Средние века); истории Византии; истории Германии в эпоху империализма; истории Англии и британских доминионов; истории Франции и других романских стран; новой и новейшей истории США (с группой по истории Латинской Америки); новой и новейшей истории стран народной демократии (Венгрии, Албании, Румынии); по написанию «Всемирной истории». В Институт истории СССР вошли бы Отдел дореволюционной истории, состоящий из секторов древней истории Руси (включая древнюю историю Причерноморья), феодализма и капитализма; Отдел истории советского общества (сектора истории Октябрьской революции и гражданской войны, социалистического строительства, истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода) и Отдел публикации источников (сектора публикации документов периода феодализма, эпохи капитализма и советского периода)⁹.

Открытым оставался вопрос истории внешней политики, поскольку у Сидорова имелись сомнения в целесообразности выделения для её изучения самостоятельных секторов. Сомневался он и в необходимости существования сектора истории религии и атеизма. Помимо секторов в Институте истории СССР сохранялись комиссии по истории земледелия, истории рабочего класса и истории исторической науки. В отношении Комиссии по истории историче-

⁸ *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация... С. 41.

⁹ НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1155, л. 7—10.

ской науки возникла идея превратить её в полноценный сектор, но Сидорову это показалось ненужным.

За докладом директора последовало обсуждение. Необходимость разделения разросшегося учреждения признали многие выступавшие: А.Ф. Миллер, Н.М. Дружинин, В.К. Яцунский, М.П. Ким и др. Идею Волгина делить по хронологическому принципу отвергли как неудачную. Миллер заявил, что предложение директора найдёт поддержку у большинства сотрудников Института. А поскольку, исходя из слов Сидорова, за реорганизацию выступило большинство членов Отделения исторических наук, получалось, что вопрос это практически решённый. В то же время нашлись и те, кто высказался против. Так, Н.А. Сидорова не увидела причин для деления, а в случае его проведения считала, что проект Волгина перспективнее. Дружинин указал, что фактически сектора по истории СССР и зарубежной истории работают обособлено друг от друга. Он также считал, что следует в новом институте выделить специальный сектор империализма. Ким, хоть и поддержал реорганизацию, выступил против выделения секторов по странам и проблемам, считая, что формационный принцип — «самый лучший». Л.П. Гапоненко предложил создать сектор дофеодального периода, что поддержал Л.В. Черепнин. Наконец, руководитель сектора новейшей истории Н.И. Саморуков высказался против его дробления, указав, что создавать сектора по страноведческому принципу невозможно из-за нехватки квалифицированных кадров.

В целом предложение Сидорова поддержало абсолютное большинство ведущих учёных Института. Однако разделение Института, вопреки уверениям директора, отнюдь не было предрешено, более того решение вопроса задерживалось. В марте 1956 г. Сидоров направил академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР М.Н. Тихомирову новую записку, в которой присутствовало скорректированное название учреждения по всеобщей истории (Институт истории Западной Европы и Америки), а также указывалось, что прошедший в Риме Международный конгресс историков показал отставание советских учёных, преодоление которого требует структурных преобразований. Отделение поддержало идею разделения на своём заседании 11—12 октября 1956 г. Особенно активно за реформу выступила влиятельная А.М. Панкратова, которая также лоббировала проект отдельного Института истории советского общества (правда, безуспешно). Итоговая резолюция гласила: «Признать необходимым разукрупнение Института истории АН СССР и образование на его основе Института истории СССР и Института истории Западной Европы и Америки (всеобщей истории — выбор названия предоставить на ваше усмотрение). Просить Президиум АН СССР срочно рассмотреть этот вопрос. В дальнейшем перспективе иметь в виду создание специальных институтов по истории советского общества и по истории Америки»¹⁰. Тем не менее при Сидорове разделения так и не произошло. Вероятнее всего, главной причиной стал недостаток необходимой материально-технической базы, особенно площадей для размещения новых учреждений.

В 1959 г. новым директором Института истории был назначен известный специалист по истории международных отношений — В.М. Хвостов. Он в целом продолжил политику Сидорова (тем более что таковая в значительной степени определялась не столько директором, сколько аппаратом ЦК и Президи-

¹⁰ Базанов М.А. Отложенная реорганизация... С. 42, 44.

умом АН). Но нерв жизни Института в середине 1960-х гг. оказался связан с деятельностью местного партийного комитета, которая стала одной из поворотных точек в развитии заведения.

Надо отметить, что санкционированное расширение рамок дозволенного после XX и XXII съездов КПСС, обострение борьбы между сталинистами и антисталинистами, наконец, общая атмосфера оптимизма и светлых надежд на будущее обусловили заметный подъём в общественной жизни Советского Союза. Всесоюзное совещание историков (1962) подтвердило курс на десталинизацию и демократизацию исторической науки¹¹. Всё это отражалось и на сотрудниках Института. Отчётливо антисталинскую позицию занял партком, возглавлявшийся крупным специалистом по аграрной истории В.П. Даниловым. Стоит напомнить, что сильный партком фактически превращался во второй центр власти в учреждении, поскольку мог вводить санкции по отношению к членам партии, а при необходимости и оказывать давление на беспартийных. В 1930—1940-х гг. именно парткомы оказывались важнейшим инструментом идеологической мобилизации и контроля научных учреждений, сохранялось их влияние и в 1950-е гг. Так, партком Института истории фактически вынес вотум недоверия Сидорову, который был забаллотирован при выборах в его состав. Это ускорило отставку директора.

Хвостов наладил рабочие отношения с партийной организацией, которую возглавляла специалист по истории Древнего Рима Е.С. Голубцова. Но летом 1965 г. старое партбюро оказалось провалено на выборах. Первоначально планировалось, что новым секретарём станет К.Н. Тарновский, но после возражений Октябрьского райкома партии на эту должность избрали Данилова. Активную роль в обновлённом парткоме играли А.М. Некрич, М.Я. Гефтер, С.И. Якубовская и др. Директор и его заместитель Гапоненко баллотироваться отказались и представителем дирекции в партбюро стал А.И. Штрахов. Новый партком пользовался поддержкой большинства сотрудников, но было немало и недовольных. В самом комитете выделились три группы: радикальная (Некрич, Гефтер и др.), умеренная (Данилов) и консервативная (Штрахов, А.М. Синицын).

19 февраля 1966 г. Данилов представил программный коллективный доклад «Советская историческая наука и некоторые вопросы работы партийной организации Института истории АН СССР», важной частью которого стала программа перестройки управления Институтом на основах демократизации. Желательной признавалась децентрализация при чётко прописанных полномочиях дирекции и руководителей секторов. Было принято решение добиваться недопущения концентрации нескольких должностей в руках одного лица. Полномочия учёных советов предполагалось серьёзно расширить, превратив их в реальные органы научного самоуправления. Но одновременно планировалась система их контроля в форме партийных ячеек. Сложившаяся практика существования устойчивых секторов и «подвижных» проблемных групп признавалась целесообразной¹². Очевидно, содержание доклада являлось компро-

¹¹ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964.

¹² Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / Публ. Л.В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44—80; 2008. № 1. С. 61—95; № 2. С. 44—83.

миссным и не отражало настроений его наиболее радикальной части. Для ряда его членов (в частности, Гефтера) деятельность парткома являлась не просто работой по совершенствованию Института, а первым шагом на пути широкомасштабного преобразования всего советского общества. Об этом свидетельствует даже скептически относившийся к ней Ю.А. Поляков¹³.

Активность парткома вызывала всё большее беспокойство Московского горкома (МГК) КПСС и высших контролирующих органов. По многочисленным свидетельствам, особенно негативно к его лидерам относился новый руководитель Отдела науки и высших учебных заведений ЦК С.П. Трапезников. В 1966 г. он выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, даже прошёл выборы в Отделении, но оказался забаллотирован при общем голосовании Академии. Одной из причин явилось критическое выступление И.Е. Тамма, указавшего, что работы Трапезникова о коллективизации представляют процесс в лакированном виде и не отражают его сложности. В этом утверждении академик сослался на мнение членов парткома Института истории, в частности Данилова¹⁴.

Ситуация осложнилась тем, что решением Секретариата ЦК от 18 апреля 1967 г. Хвостов покинул директорское кресло, перейдя на должность президента Академии педагогических наук СССР. Необходимо отметить, что Хвостов явно не поощрял радикализм парткома, но выстроил с ним в целом ровные отношения¹⁵. Гораздо сложнее складывались контакты с заместителем директора Гапоненко.

У противников парткома оставались надежды на легитимную форму смены власти, но они не оправдались. В 1967 г. состоялись перевыборы, на которых бюро переизбрало практически в прежнем составе. После этого осенью работу парткома проверяла комиссия МГК, нашедшая в его действиях множество недостатков и ошибок¹⁶. Члены парткома, в том числе и новоизбранные, опротестовали заключение комиссии. Например, будущий директор Института истории П.В. Волобуев, указал, что не согласен со многим в работе предыдущего парткома, но поступившее заключение считает необъективным и голословным.

Именно в этой обстановке и произошло разделение на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Как уже указывалось, проекты разделения Института существовали давно. Озвучивал их и Хвостов, причём ещё до выборов в партком в 1967 г., на которых сторонники «реванша» потерпели поражение. Так, на отчётном собрании сотрудников Института 13 января 1966 г. он довёл до сведения присутствующих: «Замечается необходимость определённого совершенствования структуры Института... Я считаю, что вся сеть наших научных учреждений в области истории, сложившаяся исторически, в общем бессистемна и устарела. Как известно, дебатировался вопрос о разделении Института. На днях у академика-секретаря было совещание заведующих секторов. Некоторые из них высказались за целесообразность разделения Института на два»¹⁷.

¹³ Поляков Ю.А. Минувшее... С. 98.

¹⁴ «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 189—190.

¹⁵ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии... // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 53.

¹⁶ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии... // Там же. 2008. № 1. С. 84—94.

¹⁷ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 553, л. 54.

Важную роль сыграло постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»¹⁸, «во исполнение» которого было принято решение о создании ИНИОН и Института конкретных социальных исследований (будущий Институт социологии), оно также непосредственно повлияло на реорганизацию Института экономики мировой социалистической системы. Постановление затронуло и вузовскую среду. Например, с 1969 г. вводилось обязательное изучение общественных наук студентами из развивающихся стран, чего никогда не было в СССР¹⁹; обсуждались, но не были приняты инициативы по созданию нового учебника по истории КПСС для вузов²⁰.

Значительное внимание в первоначальных проектах постановления уделялось усилению роли Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Так, на заседании Секретариата ЦК 11 мая 1967 г. предлагалось сделать ИМЛ центром всех научно-теоретических проблем по общественным наукам. За этот вариант активно выступал Трапезников. Оппозицию ему составила группа, тесно связанная с АН СССР, неформальным лидером которой являлся А.М. Румянцев — вице-президент Академии, отвечавший за общественные науки²¹. Эта группа предлагала построить управление на основах децентрализации, создавая новые, разнообразные по функциям и направлениям деятельности исследовательские институты. Реализация первого варианта давала ЦК возможность упростить контроль над общественными науками, что привело бы к усилению и без того централизованной модели управления. Второй подход позволял сохранить и совершенствовать уже сложившуюся модель, построенную на сложной системе баланса интересов между институтами, Академией, государственными и партийными структурами.

В контексте противостояния двух моделей организации и управления общественными науками и следует рассматривать решение о разделении Института истории. Впервые оно было официально принято на заседании Президиума Академии 23 февраля 1968 г. По представлению руководства секции общественных наук было утверждено следующее постановление: «Считать целесообразным создание Института отечественной истории АН СССР и переименование существующего Института истории АН СССР в Институт проблем всеобщей истории АН СССР»²². Очевидно, что не последнюю роль здесь сыграли амбиции Е.М. Жукова, обладавшего весом в Академии (академик-секретарь Отделения истории в 1958—1969 гг.) и аппарате ЦК и давно продвигавшего идею создания Института всеобщей истории (где он, естественно, занял бы пост директора).

Однако создание любых новых учреждений нуждалось в санкции со стороны вышестоящих инстанций, хотя бы потому, что требовало утверждения

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС (1898—1986). Т. 11. М., 1985. С. 57—65.

¹⁹ РГАНИ, ф. 4, оп. 19, д. 328, л. 3.

²⁰ Там же, оп. 44, д. 3, л. 190.

²¹ Документы, отложившиеся в РГАНИ, демонстрируют, что между Румянцевым и Трапезниковым нередко возникали острые дискуссии как по общим проблемам развития общественных наук, так и по сравнительно частным вопросам, связанным с созданием или реорганизацией отдельных институтов. Эти дискуссии происходили даже во время заседаний Секретариата и Политбюро, что демонстрировало принципиальность сторон.

²² РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 833, л. 16.

штатов и ставок. Поэтому спустя три дня руководители АН — президент М.В. Келдыш и главный ученый секретарь Я.В. Пейве — направили в ЦК записку с просьбой поддержать постановление Президиума, которое «прежде всего диктуется тем, что это позволит более целесообразно и оперативно развернуть исследования по актуальным проблемам истории СССР, сосредоточить внимание на более глубоком и всестороннем обобщении опыта истории Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и коммунизма в нашей стране, на изучение традиций революционной и освободительной борьбы народных масс СССР». Кроме того академики напоминали о «необходимости улучшения управляемости Института истории, более четкой и рациональной организации труда».

Предполагалось, что будущий Институт отечественной истории будет выполнять следующие задачи: изучение опыта Великой Октябрьской социалистической революции и коммунистического строительства; изучение общего исторического процесса и конкретных исторических судеб народов советских республик; исследование революционно-освободительных и патриотических традиций трудящихся СССР. Институт проблем всеобщей истории в свою очередь должен был заниматься следующими комплексными проблемами: закономерности всемирно-исторического процесса с учётом особенностей развития отдельных стран и групп стран; разработка важнейших проблем истории развития капиталистических стран; изучение истории социалистических учений и рабочего движения; методологические вопросы исторической науки²³.

Обсуждение и согласование предложений в ЦК затянулось. Не позднее 13 мая (дата впечатана позднее основного текста записки) были подготовлены сопроводительная записка за подписью Трапезникова и проект постановления за подписью его заместителя по отделу науки и учебных заведений ЦК Е.М. Чехарина²⁴. Трапезников, по традиции сопроводительных записок отделов ЦК, не только повторил основные предложения Келдыша и Пейве, но и заметно их переработал, предложив организовать Институт истории и Институт всеобщей истории на базе существующего Института истории АН СССР. Отмечалось, что вопрос о реорганизации последнего поднимался ещё с середины 1950-х гг., но лишь «в настоящее время необходимость положительного решения этого вопроса назрела».

Трапезников также затронул необходимость поднятия в учреждении партийной дисциплины, что можно рассматривать как стремление расправиться с над либеральным парткомом. Но формулировка получилась обтекаемой: «Ввиду постоянно увеличивающегося объёма работы и возросших требований осуществлять конкретное и действенное руководство научно-исследовательской деятельностью в таком громоздком и разнородном по составу специалистов и характеру научных подразделений учреждении стало весьма затруднительно. Это отрицательно сказывается на качестве научной продукции и на постановке партийно-воспитательной работы в коллективе».

Трапезников не стал включать в записку основные задачи и направления научно-исследовательской работы двух институтов, поручив Президиуму Академии сформировать их в двухмесячный срок. Отмечалось, что Институт истории СССР должен стать головным научным центром в области отечественной

²³ Там же, л. 13—14.

²⁴ Там же, л. 10—12.

истории, а его деятельность «даст возможность усилить координацию исследовательских работ по истории народов СССР, ведущихся в союзных и автономных республиках»²⁵. Кроме того, заведующий отделом предлагал обсудить в ЦК вопрос о кандидатурах директоров институтов. Его записка обсуждалась на заседании Секретариата ЦК 31 мая (на том же заседании утверждено окончательное постановление о деятельности ИМЛ).

Сохранилась рабочая запись, в которой кратко затронут этот вопрос: «*Келдыш*: Мы внесли предложение о разделении Института истории на два института: истории СССР и всеобщей истории. Институт истории в нынешнем виде настолько велик по своим масштабам, что управлять таким учреждением весьма трудно. *Суслов*: Есть предложение поддержать проект постановления, но следовало бы подумать о кандидатурах на руководителей институтов. Может быть, т.т. Келдыш и Трапезников в течение 5—7 дней подготовят предложения по этому вопросу и внесут их на следующий Секретариат»²⁶.

Таким образом президент Академии наук полностью принял предложения заведомо ЦК. Проект постановления был единогласно утвержден всеми секретарями и отправлен на голосование в Политбюро. 7 июня все его члены (кроме Д.С. Полянского, который в тот день болел) также единогласно утвердили опросом постановление «Об Институте истории СССР АН СССР и Институте всеобщей истории АН СССР». В преамбуле документа объявлялось, что он утверждён в целях «дальнейшего развития исторических наук, изучения и пропаганды революционно-патриотических традиций трудящихся нашей страны»²⁷. В самом постановлении скупо сообщалось о создании двух институтов (с формулировкой: «Согласиться с предложением Академии наук СССР»), приняв к сведению, что все мероприятия должны были пройти в пределах ассигнований и фонда заработной платы, предусмотренной для еще функционирующего объединенного института. Кроме того, Президиуму АН поручалось в двухмесячный срок разработать направления научно-исследовательской работы, а также структуру институтов.

Однако только спустя почти пять месяцев — 14 октября — Румянцев направил в ЦК соответствующие материалы. Выдвинутый на пост директора Института истории СССР Б.А. Рыбаков представил две записки — одна была посвящена основным направлениям его работы²⁸, вторая — структуре²⁹. Главной задачей учреждения, которое Рыбаков предлагал переименовать в Институт отечественной истории, предполагалось изучение на основе марксистско-ленинской теории всего исторического процесса на территории Советского Союза с древнейших времён до современности. В соответствии с этой задачей выстраивались (в хронологической последовательности) основные направления работы. Так, «наибольшая хронологическая глубина проблематики Института» сосредотачивалась на изучении древнейших рабовладельческих государств Закавказья, Средней Азии и Причерноморья. Более ранними сюжетами Рыбаков предлагал не заниматься, так как первобытные общества уже исследовались в институтах археологии и этнографии.

²⁵ Там же, л. 11.

²⁶ Там же, ф. 4, оп. 44, д. 3, л. 147.

²⁷ Там же, ф. 3, оп. 68, д. 833, л. 9.

²⁸ Там же, л. 26—30.

²⁹ Там же, л. 31—32.

Вторым научным направлением работы становилось изучение периода феодализма, на протяжении которого «ясно обозначилось будущее ядро Союза Советских Социалистических республик — государственность русского народа»³⁰. Следующее направление — изучение капитализма от зарождения первичных форм до «господства промышленной буржуазии в феврале—октябре 1917 г.». Главным же оказывалось изучение советской истории (по которому специализировалась почти половина сотрудников нового института). При этом академик оговаривал, что вопросы истории КПСС и Великой Отечественной войны должны координироваться с ИМЛ и Институтом военной истории во избежание дублирования тем. Отдельно предлагались сквозные темы — изучение источников, историографии, исторической географии и проблем историко-социологических исследований.

Что касается структуры, она фактически соотносилась с основными направлениями работы: сектор древнейшей истории народов СССР, сектор истории СССР периода феодализма, сектор истории СССР периода капитализма, сектор истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны, сектор истории социалистического и коммунистического строительства, сектор истории советского рабочего класса, сектор истории советского крестьянства, сектор истории советской культуры, сектор истории внешней политики советского государства, сектор общих проблем истории народов СССР (в нем предполагалось вести исследования крупных регионов — Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и т.д.), сектор истории исторической науки, сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (главное внимание которого обращалось на анализ источников советского периода), сектор исторической географии, комиссия по составлению свода исторических памятников, группа по изданию русских летописей, группа по подготовке многотомной «Истории СССР», группа по историко-социологическим исследованиям, группа научной информации и зарубежной историографии советского общества.

В записке Е.М. Жукова³¹ объявлялось, что «Институт всеобщей истории Академии наук СССР призван вести научные исследования по общим проблемам всемирно-исторического процесса, а также по истории стран Западной Европы и Америки (изучение истории других стран осуществляется соответствующими научно-исследовательскими институтами)». Будущий директор обещал, что «будут приняты меры к полному преодолению отрыва научных исследований в области всеобщей истории от практических политических потребностей»³². Указывались следующие основные направления работы: изучение закономерностей всемирно-исторического процесса, проявляющихся в прогрессивной смене социально-экономических формаций; исследование конкретных форм революционного перехода от одной социально-экономической формации к другой; изучение исторических эпох, отражающих борьбу и сосуществование различных социально-экономических формаций; исследование типов и форм социальных революций; изучение истории социалистической мысли; изучение истории развитых капиталистических стран Европы и Америки; исследование особенностей исторического развития этих стран в условиях общего кризиса капитализма; изучение истории стран Латинской Америки; изучение истории

³⁰ Там же, л. 26.

³¹ Там же, ф. 4, оп. 20, д. 488, л. 19—26.

³² Там же, л. 19.

колониализма; изучение истории ГДР и Кубы (другие соцстраны уже изучались в иных научных учреждениях); изучение истории древнего мира и истории европейского средневековья; изучение зарубежной историографии всеобщей истории. При этом подчёркивалось, что первоочередной задачей Института (как и всех идеологических учреждений) должна стать подготовка трудов, связанных со 100-летием В.И. Ленина.

В соответствии с направлениями работы предлагалась структура научных подразделений: отдел комплексных проблем всемирной истории с одним сектором (по исследованию общих проблем всемирно-исторического процесса) и четырьмя группами (комплексных проблем истории докапиталистических формаций, комплексных проблем истории капитализма, комплексных проблем истории социализма, изучения истории социалистической мысли), отдел новой и новейшей истории развитых капиталистических стран с одним сектором (истории США и Канады) и шестью группами (Франции, Германии, Англии, Италии, Испании и Португалии, Скандинавских стран и Финляндии), группа по истории ГДР, сектор по истории стран Латинской Америки, группа по истории Кубы, группа по истории колониализма, сектор истории европейского средневековья, сектор истории древнего мира, группа зарубежной историографии всеобщей истории, группа научной информации.

Жуков просил возложить на Институт осуществление научных связей с зарубежными историческими научно-исследовательскими учреждениями. Кроме того предлагалось преобразовать журнал «Новая и новейшая история» в ежемесячник объёмом до 15 п.л.; разрешить издание научно-информационного бюллетеня на множительной машине с рассылкой по специальному списку; ввести практику издания по закрытой тематике с рассылкой по специальному списку; предоставить Институту право получать материалы Иновещания ТАСС, закрытые издания издательства «Прогресс» и закрытые бюллетени других институтов АН.

5/6 ноября Румянцев направил в ЦК дополнительную записку, прося считать печатными органами Института всеобщей истории журналы «Новая и новейшая истории» и «Вестник древней истории», а Института истории СССР — «Историю СССР» и неперIODические «Исторические записки». Кроме того, Ленинградское отделение становилось отделением Института истории СССР, но с научно-методическим руководством со стороны Института всеобщей истории небольшой группы всеобщей истории³³.

26 декабря все документы были разосланы секретарям ЦК в пакете с проектом постановления и сопроводительной запиской Трапезникова, указывавшей, что «проект постановления был внимательно рассмотрен в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС с участием руководителей институтов и видных учёных-историков»³⁴. Наконец, 7 февраля 1969 г. состоялось заседание Секретариата, на котором обсуждался вопрос о научно-исследовательских направлениях и структуре двух институтов. Слово было предоставлено Жукову и заместителю директора Института истории СССР Волобуеву.

В отличие от майского заседания 1968 г. высшие лица ЦК высказывались по проекту более активно, о чём свидетельствует рабочая запись заседания: «Устинов: Следует указать на необходимость будущей координации работы с

³³ Там же, л. 33.

³⁴ Там же, л. 17.

другими институтами — марксизма-ленинизма, военной истории и др., а также на связь с институтами социалистических стран. Катушев предлагает специально указать в постановлении о том, чтобы развивать связи с научно-исследовательскими институтами социалистических стран. *Капитонов*: Структура должна соответствовать задачам, стоящим перед институтами. *Пельше*: Надо позаботиться о книгах по истории для массового читателя, для народа. Сейчас мало научно-популярной литературы по истории. *Трапезников*: По укомплектованию институтов с крупными историками всё оговорено, но вопрос кадров остаётся. *Суслов*: Решение о разделении институтов правильное, трудно было управлять большим коллективом. Предлагаемый проект постановления можно будет принять. Надо учесть высказанные замечания и предложения»³⁵.

После небольшой доработки постановление было включено в протокол заседания Секретариата под названием «Об основных направлениях научно-исследовательской работы и структуре Института истории СССР и Института всеобщей истории Академии наук СССР», а затем опубликовано в изложении в журналах «Вопросы истории», «История СССР» и «Новая и новейшая история».

Таким образом представляется, что в истории разделения Института истории АН СССР необходимо отказаться от расхожего, но упрощённого представления о цели данного решения (расправа с мятежным «даниловским» парткомом). Правильнее говорить о комбинации ряда факторов. Мельком, но проблема с партийной дисциплиной упоминается в доступных документах и деятельность парткома нельзя отбрасывать. Однако проекты разделения Института существовали давно, причём их инициатором выступало руководство учреждения. Сыграли роль и амбиции отдельных организаторов науки (в первую очередь Е.М. Жукова). Реализовались же они потому, что такой шаг органично вписывался в масштабную реорганизацию структуры и управления общественными науками после постановления 1967 г. И доминировали, видимо, именно организационные соображения.

В заключение укажем, что непростая история реорганизация Института истории вполне вписывается в формулу из известной поэмы-пародии Л.Н. Пушкарёва «Повесть институтских лет, или история Института истории от Рождества Христова до ухода Хвостова — В самом сжатом очерке» (1968): «Да, штатов — избылье, порядка снова нет»³⁶. Правда, принятое решение не решило ни первую, ни вторую «проблемы».

³⁵ Там же, ф. 4, оп. 44, д. 4, л. 29—30. Кроме того, М.А. Суслов во время заседания вёл записи на листке из отрывного блокнота следующего содержания: «Об основных направлениях н[аучно]-исследов[ательской] р[або]ты и структуре Института истории СССР и Института всеобщей истории Акад[емии] наук СССР. Организация 2-х институтов позволит исследовать глубже советскую историю и сис[те]му. <а> направления — правильное.> Имеются ли замечания по проект[у] постановления? а) направления — правильные[;] б) структура (замечания Капитонова вносятся в структуру?). Одобрить в основном» (РГАНИ, ф. 4, оп. 20, д. 488, л. 34).

³⁶ Вторая муза историка: Незученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 286.